

Общее Солнце...

— Если замучает ностальгия, иди на Брайтон. Полегчает.

Так в один голос заявляли мне родственники и друзья сразу же после моего прибытия в Новый Свет. Вы, наверное, помните, как это происходит. Встреча в аэропорту, головокружение от впечатлений, неиссякаемый поток информации в виде рассказов "бывалых", добрые напутствия, ободряющие похлопывания по плечу и тому подобное.

Сначала экскурсии в сопровождении, затем осторожные самостоятельные вылазки в окрестности и, наконец, независимость.

Ностальгия меня не мучила. Распирало любопытство. В Одессе я много слышал об этом живописном районе Нью-Йорка на берегу Атлантического океана, где наши соотечественники ведут тяжелую, изнурительную борьбу за выживание в невыносимых для них условиях демократии и изобилия.

И вот при первой же возможности я иду на Брайтон, чтобы собственными глазами все увидеть и описать в письме, которое с нетерпением ожидают мои друзья. Дело происходит летом. Пекло невообразимое. Влажность невероятная. Горячий и мокрый, шагаю, зная только направление, руководствуясь описанными мне заранее ориентирами. По мере приближения к цели замечаю, как прямо на глазах меняется окружающая среда. Все чаще звучит родная речь. Больше мелькает родных лиц.

"Наши" лица распознаются мгновенно. В отличие от "не наших", на них написано все: настроение, семейное положение, достаток, отношение к окружающим. Они честнее.

Если владелец данного лица кого-то невзлюбил, ему не надо открывать рот, чтобы выразить свои эмоции словесно. Лицо само говорит: "Убью!". К счастью, во время моего первого посещения Брайтона таких лиц было немного. В общем, используя безошибочный для поисков принцип "холодно-теплее-горячо", следуя верным курсом и, пройдя еще одну короткую неширокую улочку, попадаю в самое сердце русскоязычной эмиграции. Извините за высокий стиль.

Я тут же окунаюсь в могучий людской поток. Он увлекает меня, захлестывает, кружит. Вот это да! Кто сказал: "Маленькая Одесса"? Это же Одесса в натуральную величину! Разношерстная, колоритная, шустрая, мудрая и язвительная, толкающая и не извиняющаяся! Здесь те же запахи, такие же цвета, собственный климат. Все настолько близко и привычно. Если бы не грохот поезда почему-то над головой...

Первое, что бросается в глаза, — вывески. "Одесса", "Золотой ключик", "Украина". В витринах шокирующие надписи типа "В продаже имеется балык". Помните, как в старые добрые времена там: "Есть пиво"? Эту вывеску, правда, мало кто читал. Есть ли пиво, определялось за версту. Когда я уезжал, Одесса уже о нем не вспоминала, и можно было увидеть надписи "Есть молоко", "Есть колбаса". Я, конечно, имею в виду госторговлю. В частной было все. Но не для всех.

Почти на каждом углу расположены лотки с книгами. За лотками — мужики, которые точно так же торговали книгами на специально отведенном для них городскими властями месте между Дерибасовской и Греческой в разрешающие времена перестройки. До нее они делали то же самое, на том же месте, но без разрешения. Немало их, несших культуру в массы, прошло через инквизиторские конфисковывающие руки милиционеров, тщательно пытавшихся уберечь массы от культуры по заданию горисполкома. Будучи книголюбом и проводя все свободное время здесь, я неоднократно присутствовал при конфликтах "книжников" с властями и как сторона заинтересованная, естественно, сочувствовал первым. Но единственный, непререкаемый аргумент — "не положено" — всегда решал спор в пользу последних. Переполненный чувствами от нахлынувших воспоминаний, подхожу к хозяину одного из лотков, как к старому знакомому.

- Ну как?
- Все так же. А ты?
- Ничего.
- Как там?
- Без особых изменений.
- В гости или как?
- Или как.
- Значит, будем часто видеться. Привет.
- Пока.

Диалог в стиле Хемингуэя. Следую дальше довольный. Ожидания пока оправдываются.

— Советские лекарства. Духи — Франция. Икра, — слышу приглушенные голоса.

Оборачиваюсь... О боже! Этого не может быть! Кто-нибудь, ущипните меня! Вдоль края тротуара стройной цепочкой выстроились женщины и мужчины, предлагающие товары "с рук"! Нет, я никуда не уезжал. Хлопотные сборы, многочисленные посылки, "дружелюбные" лица киевских таможенников, длительный перелет с пересадкой в Париже — все это бы-

ло сном, результатом работы перевозбужденного от навязчивой идеи мозга. Возможно ли? В Нью-Йорке — самом, можно сказать, центре развитого капитализма, разбухшего от изобилия, — продажа с рук! Это уже превосходит мои ожидания. Позже мне объясняли, что нашим людям на пользу идут только наши лекарства. Организм, мол, привык и только их и слушается. С этим я мог согласиться. Но вот доводы на тему всего остального меня не убедили. Наверное, все-таки для бывшего советского человека такая покупка является психологической потребностью, душевным порывом, ритуалом, а может... проявлением ностальгии?

Для подтверждения собственных выводов захожу в ближайший магазин. Вернее, втискиваюсь. Думаю, что в Центральном гастрономе в Одессе народу поменьше, правда, справедливости ради, и продуктов не больше. Я уже успел повидать очереди в Waldbaums, я был их частью в Edwards и, проводя параллель, могу смело утверждать, что очереди на Брайтоне, бесконечно сжимающиеся, спиралевидные, как галактики, — это стиль, образ жизни. Бывшие граждане страны Советов не могут жить без очередей. Никакая покупка без очереди им не будет в радость. Они должны потолкаться, поругаться и заодно чего-нибудь купить. В общем, несомненно: не там хорошо, где нас нет, а там плохо, где мы есть.

В неимоверной толкотне слышу знакомый акцент: "Фира, если вы будете все время лезть без очереди, вам будет нехорошо". "Нехорошо, — тут же отвечает Фира, — мне будет, если я встану в очередь. Какой же нормальный человек может всех вас переждать и остаться здоровым?!" Как любит повторять мой знаменитый земляк Роман Карцев, "Я ничего не придумываю. Просто хожу и слушаю".

Выбравшись из магазина, подхожу к газетному киоску. Количество наименований печатных органов на русском языке создает впечатление, что у каждой семьи на Брайтоне есть своя, специально для нее издающаяся газета или журнал.

Мимо проходит пара, замедляя шаг и пристально всматриваясь в меня. Мы улыбаемся друг другу. Откуда я их знаю?

— Это ты? — спрашивают осторожно.

— Гм... я, — отвечаю, замаявшись.

— Узнал?

— Почти, — глупо, но нейтрально.

— 2-ая спортшкола?

— Не-а.

— Французский бульвар?

- Не-а.
- Еврейская больница?
- Упаси бог!
- Теперь моя очередь.
- Университет? РГФ?

Сразу попадаю в точку. Мы радостно пожимаем друг другу руки и с чувством облегчения расходимся. За время моего первого пребывания на Брайтоне таких забавных встреч было несколько. "Шапочные" приветствия не в счет.

Бросив взгляд напротив, сквозь маленький переулочек, замечаю синюю полосу океана. Там знаменитый бордвок. Спешу к новым впечатлениям. Предвкушаю что-нибудь не менее удивительное, но с детства родное.

В одной из популярных передач о Соединенных Штатах, с успехом шедшей и, возможно, продолжающей идти на тамошнем телевидении, в серии, посвященной жизни на Брайтоне, мне заполнился такой эпизод. Набережная. Прекрасный яркий день. На скамейках сидят беззаботные старички, о чем-то оживленно беседуя. Камера приближается. Крупный план. Голос за кадром произносит: "Скажите, пожалуйста, есть же все-таки нечто общее в вашей жизни здесь и там?" — "Есть", — отвечает один из стариков. "Что?" — радостно спрашивает интервьюер. — "Солнце".

Бордвок предстал передо мной именно таким, каким я его увидел в телевизионной передаче. Но кроме солнца очень многое кажется схожим. Ведь главное — люди. А они те же. И ничто их не изменит.

Вот стоит женщина с согнутой в колене ногой и поднятой вертикально вверх рукой, подставляя солнышку места, которые, по ее мнению, еще недостаточно загорели.

На скамейках пузатые дяденьки самозабвенно "забивают козла". Вокруг с визгом и топаньем босыми ножками по деревянным доскам бегают внучата. Они кричат друг другу что-то на двух языках одновременно... Стоп! Вот что портит общую картину. Невероятный симбиоз, режущий слух: резкие, отрывистые с выхлопом звуки английского вперемежку с мягкими шипящими русского в устах маленького Майкла, или Мишеньки (в зависимости от того, на каком языке он в данную минуту говорит) — сразу отрезвляет, нарушает гармонию, заставляет, встряхнув головой, очнуться и вспомнить, где ты все-таки находишься. Кстати, старики стараются не отставать. У них получается менее академично, но забавно.

- Скажи Семе, чтоб достал из транка фуд, а то испарится.

Или:

— Вчера пришел билл с таким балансом, будто я открывал рот в прошлом месяце, только чтобы болтать по телефону. Надо хорошо прочекаать.

Спустившись с деревянного настила, ступаю в мягкий горячий песок. Я не переносу жары, а спрятаться негде. Ни намека на тень. Да, это не Аркадия или Ланжерон с топчанами, раздевалками и вбитыми глубоко в песок зонтами. Сжигающее солнце и раскаленные тела. Но где же то, что должно поражать не отличием, а сходством? А вот. Как говорится, далеко ходить не надо.

На песочке расстелено широкое покрывало, на котором восседает дружное семейство. Он, она и двое детишек. Он и детишки, застыв в позе по-турецки, устремляют нетерпеливые взоры в одну точку. Точкой является двухлитровая стеклянная баночка, из которой заботливая мамаша с умиленным выражением лица вынимает очищенную заранее вареную картошечку, густо посыпанную укропом. В центре круга уже разложены хлеб, помидоры, огурчики, лучок и соль. Никаких излишеств. После того как картошка расходуется по протянутым рукам, начинается второй, основной этап — поглощение. Челюсти каждого работают четко, бесперебойно, ритмично, как хорошо налаженный механизм. Картошку аккуратно опускают в соль, холмиком возвышающуюся на салфетке. Нарезанный толстыми ломтиками хлеб складывается пополам, чтобы быть еще толще. Особое внимание вызывает целый помидор, который не режется ножиком и не прокалывается вилочкой, а просто лопается от первого укуса, обдавая всех участников трапезы алым соком.

Знакомо до боли! До восторга! Вся сцена пышет таким энтузиазмом и наслаждением, что кажется, именно за этим они сюда пришли. А солнце, воздух и вода — лишь атрибуты для соответствующего настроения. Долго наблюдать за ними неловко, и я удаляюсь. Пожелание приятного аппетита этому квартету могло быть воспринято как издевка.

Осторожно огибая загорающих, подхожу к воде. Теплая и мягкая, как в Черном море, она ласково обволакивает. Маленькие покатые волны, чередуясь, ложатся на песок, не пересекая на нем определенной черты. Я глубоко вдыхаю влажный воздух и поворачиваю назад. Поднявшись вновь на бордвок, пересекаю его в обратном направлении. Сегодня вечером я снова приду сюда. Говорят, ночные гуляния здесь — захватывающее зрелище.

Нью-Йорк